Швеция в НАТО. Есть ли будущее у политики нейтралитета?

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Швеция и Финляндия десятилетиями являлись олицетворением успешной нейтральности в международных отношениях. Означает ли их присоединение к НАТО, что в современном мире у политики нейтралитета уже не будет перспектив?

Содержание

1 Финишная прямая Стокгольма
2 Нейтралам тут не место?
3 Будущее нейтралитета

Швеция становится 32-м членом Североатлантического альянса. Как мы и **прогнозировали** несколько недель назад, парламент Венгрии относительно быстро ратифицировал протокол о присоединении этого скандинавского королевства и снял последнее препятствие на пути его официального вступления в НАТО. Тем самым заканчивается почти двухгодичная история с расширением Альянса на севере Европы, которая, как изначально ожидалось, должна была иметь куда более быстротечное развитие.

Финишная прямая Стокгольма

Напомним, что из 30 государств-членов, которые входили в НАТО на момент подачи заявок Швецией и Финляндией в мае 2022 года, 28 провели внутригосударственные процедуры по ратификации протоколов о присоединении моментально. Но у двух стран – Турции и Венгрии – к кандидатам возникли вопросы. В частности, в Анкаре **заявили** о невозможности союзнических отношений со странами, ставшими «гостевыми домами для террористов» и

вводящими против Турции санкции. В первую очередь это относилось к политике Стокгольма, поэтому Финляндия присоединилась к Альянсу в марте 2023 года, а Швецию оставили в «зале ожидания».

После двадцати месяцев переговоров и ряда уступок со стороны самой Швеции, а также США, которые **согласились** разблокировать сделку по продаже Турции истребителей F-16, турецкий парламент **принял** положительное решение по заявке Стокгольма 23 января этого года. Перед Швецией оставалось финальное препятствие – отсутствие ратификации со стороны Венгрии. В Будапеште, как **выразился** спикер венгерского парламента, от Стокгольма ожидали «немного уважения» и доказательств, что он «воспринимает Венгрию всерьез».

В итоге в последние недели драма свелась к тому, примет ли премьер-министр Швеции Ульф Кристерссон приглашение своего венгерского коллеги Виктора Орбана посетить Будапешт и лично обсудить все волнующие Венгрию вопросы. Вначале шведское правительство резко и однозначно **отвечало**, что его главе нечего обсуждать с Орбаном, по крайней мере, пока не будет позитивного решения по принятию королевства в НАТО. Однако в итоге Кристерссон все же прилетел в Будапешт 23 февраля.

По итогам переговоров Виктор Орбан **заявил**, что достигнутые соглашения в области военно-технического сотрудничества «помогают восстановить доверие между двумя странами». В частности, заключена **договоренность** о покупке Венгрией четырех новых истребителей Gripen и продлении на 10 лет технического обслуживания уже имеющихся у венгерских ВВС 14 шведских истребителей. Три дня спустя, 26 февраля, венгерский парламент ратифицировал протокол о присоединении Швеции к НАТО: 188 его депутатов проголосовали за и лишь 6 против.

Таким образом, сторонники североевропейского расширения Альянса могут спокойно выдохнуть. В ближайшие дни ожидается торжественная церемония поднятия шведского флага в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Она подведет черту под двухсотлетней историей неприсоединения Стокгольма к военным блокам – периода, за который Швеция стала одним из наиболее ярких аватаров самой идеи нейтралитета.

Нейтралам тут не место?

Решение Швеции покончить с политикой внеблоковости, как мы уже **обсуждали**, сложно назвать совсем уж спонтанным и ломающим все устои и тенденции прошлых десятилетий. Да, оно было принято в чрезвычайных условиях общественного шока после начала войны в Украине, но Стокгольм медленно шел к нему уже очень давно. Это важно знать и понимать, ведь на фоне североевропейского расширения НАТО 2023-2024 годов возникает несколько естественных вопросов о значении этого события в более широком международном контексте.

Например: что вступление Швеции и Финляндии в НАТО означает для концепций нейтралитета и неприсоединения? Являются ли решения Стокгольма и Хельсинки индикаторами того, что в современном мире места для нейтральности остается все меньше? И следует ли государствам, еще остающимся за рамками военно-политических блоков, внимательно присматриваться к примеру Швеции и Финляндии и, возможно, следовать ему?

Вопросы эти не просто теоретические. Сразу после начала боевых действий на территории Украины и введения первых антироссийских санкций и в медийном пространстве, и с высоких политических трибун стал звучать тезис о том, что в противостоянии России и Запада по поводу Украины нет и не может быть места для нейтралитета. По крайней мере, именно так свою позицию сформулировали сам Киев и его западные партнеры. Объяснение простое: действия России, подчеркивают они, должны быть квалифицированы как грубейшее нарушение Устава ООН, а значит – любые формы нейтрального отношения к конфликту поощряли бы эти нарушения и потому являются аморальными и нелегитимными. На основании этой логики они призвали государства мира осудить действия Москвы и присоединиться к западному санкционному режиму. Так как далеко не все страны желали занимать чью-то сторону в конфликте, который не считают своим, Украина и Запад ожидаемо (но с разным успехом) использовали различные инструменты убеждения и давления. Это хорошо видно по динамике голосований по связанным с войной резолюциям в Генеральной Ассамблеи ООН.

> Вообще же тезис «нейтралам тут не место» стар, как мир. Особенно резко он всегда звучит на начальных этапах масштабных геополитических и военных противостояний.

Так было, например, в первые годы Холодной войны, когда позиция традиционно нейтральных государств и поползновения в сторону нейтралитета таких стран, как Югославия, вызывали жесткую реакцию как в Кремле, так и в Белом доме. И там, и там их считали не только вредными в деле борьбы с идеологическими врагами, но и глубоко аморальными.

Как и тогда, сегодня небольшим государствам вновь сложно аргументировать важность сохранения нейтральной политики своими историческими традициями или даже стремлением помочь в урегулировании конфликтов. Не говоря уже о собственных интересах, которые у таких государств совсем не обязательно должны быть аналогичными интересам конфликтующих сторон. Показателен кейс Швейцарии. Даже невооруженным глазом видно, насколько Берну сейчас тяжело реализовывать естественную для него политику нейтралитета, которая в отличие от Швеции не поддавались значительной эрозии ни в годы Холодной войны, ни после ее окончания. С одной стороны Швейцария испытывает огромное западное давление, а с другой – несколько иное, но также давление со стороны Москвы, которая быстро включила Швейцарию в число недружественных государств за присоединение к некоторым санкциям ЕС.

Показательно, что в середине 2022 года глава МИД Швейцарии Иньяцио Кассис, занимавший тогда также пост президента страны, даже предложил закрепить на законодательном уровне новую концепцию нейтралитета. Идея заключалась в преобразовании классического швейцарского нейтралитета в «нейтралитет, основанный на сотрудничестве» (cooperative security). Правда, что именно подразумевала новая концепция, осталось тайной (хотя уже из названия это более-менее понятно), так как члены Федерального совета Швейцарии отклонили предложение. Но сам факт появления такой инициативы является хорошей иллюстрацией вызовов, с которыми сегодня сталкиваются нейтральные государства.

Будущее нейтралитета

Также эта инициатива Кассиса говорит о том, что просто так государства-нейтралы не будут отказываться от своей политики, если считают ее оптимальной в конкретных структурных условиях, определяющих их среду безопасности. Подстраиваться под изменяющиеся обстоятельства и адаптировать свое внешнеполитическое позиционирование они будут. Потому что, в отличие от крупных держав, небольшие государства не могут самостоятельно формировать

собственную среду безопасности и по определению вынуждены подстраиваться, искать обтекаемые формулировки, выкручиваться. Но просто отказываться от проверенной десятилетиями или даже столетиями политики – не будут.

> То есть во главе всего остается национальный интерес этих стран, а не давление, пожелания и апелляции к моральности со стороны участников тех или иных конфликтов, даже если это супердержавы.

Именно в этом отличие Швеции и Финляндии от Швейцарии, Австрии, Мальты, Ирландии и других стран, сохраняющих ставку на нейтралитет и/или внеблоковость: они принципиально по-разному определяют свой национальный интерес в конкретно складывающихся здесь и сейчас геополитических условиях.

При этом в международных отношениях всегда действует простое правило. Чем более бескомпромиссным и ожесточенным становится противостояние между ключевыми акторами, тем меньше возможностей и пространства для находящихся между ними нейтральных государств. Поэтому в Европе сейчас действительно очень тяжелые времена для нейтралов. А вот в некоторых других частях мира структурные условия иные, и стимулы к внеблоковой политике у многих стран, наоборот, только растут.

Яркий тому пример – Индия. Она сегодня желанный гость везде и всюду, и главные геополитические антагонисты буквально соревнуются в приглашениях Дели к сотрудничеству. При таком раскладе Индии, как говорится, сам Бог велел снимать все сливки с помощью нейтрального позиционирования, что она успешно и делает.

Европейским же нейтралам сейчас приходится бороться за право сохранить как можно больше элементов политики неприсоединения и надеяться, что скоро их позиция вновь станет востребованной. В этом процессе неизбежно происходит эволюция форм и методов нейтральности. Согласно подсчетам одного из ведущих теоретиков нейтралитета австрийского профессора **Хайнца Гертнера**, существует более 20 различных видов нейтральной политики. Нет сомнений, что с течением времени этот список будет лишь увеличиваться. От легалистских форм нейтралитета, закрепленных в начале XX века в **Гаагских конвенциях**, нейтральность будет все дальше эволюционировать к гибридным политическим формам, таким как хеджирование.

> Важно, что в любом случае у нейтралистской политики, какие бы формы она эпизодически ни принимала, всегда будет место в международных отношениях.

Особенно с учетом достигнутого уровня глобализации, которая отличает современный мир от реалий Холодной войны. Противостоящие друг другу великие державы сами в конечном итоге будут **заинтересованы** в связующих звеньях в виде нейтральных и внеблоковых стран. Кроме того, без нейтральных государств и негосударственных акторов стали бы невозможными многие базовые для международных отношений практики. Например, без них сложно представить полноценную **имплементацию** норм международного гуманитарного права.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»